

Насонова И. А.,
профессор кафедры уголовного процесса, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский институт МВД РФ)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Уголовно-процессуальная деятельность в Российской Федерации, впрочем, как и в других государствах, осуществляется в рамках, предусмотренных законом. Им же определяется порядок ее осуществления, круг субъектов, принимающих участие в данном виде деятельности, и доля такого участия каждого из них. Нормативные акты, регулирующие уголовно-процессуальную деятельность, а это в первую очередь Уголовно-процессуальный кодекс, призваны реагировать на качественные изменения, происходящие в обществе, удовлетворять потребности в его дальнейшем развитии.

Думается, это характерно не только для УПК РФ, но и для УПК Республики Казахстан. Следует отметить, что правовые системы Российской Федерации и Республики Казахстан весьма близки. Эта близость имеет историческую обусловленность. На протяжении длительного времени на правовую систему Казахстана оказывали существенное влияние Свод законов Российской Империи, Устав уголовного судопроизводства, утвержденный Александром II 20 ноября 1864 г. Указанные документы были знаковыми для судебной реформы, проходившей в XIX в. в Российской империи и направленной в том числе и на слияние правовой системы Казахстана с правовой системой всей России.

В советский период на территории РСФСР и Казахстана действовали одни Уголовно-процессуальные кодексы: УПК РСФСР, принятый 3 сессией ВЦИК 1922 г., и УПК РСФСР, утвержденный постановлением ВЦИК 1923 г. И для одного, и для другого государства они являлись первыми кодифицированными процессуальными законами.

Первый в истории Казахской ССР Уголовно-процессуальный кодекс был принят в 1959 г. Он базировался на Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 1958 г. Уголовно-процессуальные кодексы периода независимости Республики Казахстан были приняты в 1997 и 2014 гг. Они, сохраняя определенную преемственность по отношению к старому законодательству, похожим, но не идентичным с УПК РФ способом регулируют ряд вопросов.

Специфичность Уголовно-процессуальных кодексов одной и другой страны, являясь поводом для их сравнения, в тщательно проанализированном варианте может спрогнозировать пути оптимизации целых уголовно-процессуальных институтов. И это не может не вызвать интереса.

Говоря об УПК РФ, важно иметь в виду, что он является положительным результатом современного отечественного законодательства, в котором учтен отечественный и международный опыт борьбы с преступностью. Очевидна его направленность на защиту прав и законных интересов личности и ее обеспеченность, что следует из назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 УПК РФ. При этом нельзя не отметить, что многие новеллы вызвали и продолжают вызывать дискуссию среди юридической общественности. В адрес УПК РФ было высказано немало претензий. За небольшой временной интервал в него было внесено более тысячи пятисот изменений. Все это свидетельствует не в пользу идеальности и безупречности УПК РФ.

Правовая регламентация уголовно-процессуальной деятельности корректировалась на протяжении всего периода действия УПК РФ. Требуется своего совершенствования она и в настоящее время.

Среди тенденций совершенствования правовой регламентации уголовно-процессуальной деятельности обращают на себя внимание следующие направления. Во-первых, четкая правовая регламентация всех видов уголовно-процессуальной деятельности, предполагающая создание системы надежных и стабильных гарантий для них. Во-вторых, преодоление диспропорции в процессуальных возможностях отдельных участников уголовного судопроиз-

водства. Речь идет прежде всего о потерпевшем и обвиняемом, подозреваемом как лицах, участвующих в уголовно-процессуальной деятельности.

Такая диспропорция сложилась не в пользу потерпевшего. Акценты, как верно пишет О. А. Зайцев, смещены в сторону усиления процессуальных полномочий и гарантий обвиняемого в ущерб правам жертв преступления¹, 13. Преодолеть ее можно, уравнивая в правах потерпевшего и обвиняемого, подозреваемого по некоторым вопросам. Среди них — вопросы участия в судебном заседании, в котором решается вопрос о применении к подозреваемому, обвиняемому заключения под стражу; доступа к защите своих интересов, осуществляемой по назначению, и получения в отдельных случаях бесплатной помощи и др. В связи с этим Л. В. Брусницыным предлагается предусмотреть право потерпевшего участвовать в судебном заседании, в котором рассматривается постановление дознавателя, следователя о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу; право потерпевшего получать помощь от представителя, участвующего в деле по назначению², 257.

Шаги в этом направлении уже предпринимаются. Так, с 1 января 2015 г. начала действовать норма, согласно которой участие адвоката в качестве представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности, обеспечивается по ходатайству законного представителя такого несовершеннолетнего дознавателем, следователем или судом. В этом случае расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счет средств федерального бюджета (ч. 2.1 ст. 45 УПК РФ).

В-третьих, выбор оптимальной уголовно-процессуальной формы для того или иного вида деятельности. При решении указанной проблемы важно не только думать о процессуальной экономии, но и о сохранении, а в некоторых случаях — и преумножении гарантий личности, вовлекаемой в уголовно-процессуальную деятельность. Задача непростая, поскольку соблюсти указанный баланс зачастую сложно. Поэтому в последние годы наблюдается широкий диапазон выбора уголовно-процессуальных форм законодателем. Среди них: формы, носящие договорно-правовой характер (прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ); особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ); особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1. УПК РФ); упрощение предварительного расследования, разновидностью которой является дознание в сокращенной форме.

Этот вид дознания в России появился в 2013 г. Проводится оно в относительно сжатые сроки, объем следственных и процессуальных действий сведен к минимуму, чем и достигается процессуальная экономия. В то же время проблема эффективности расследования, осуществляемого в форме дознания, не решена. И в большей мере это связано с недостатками правового регулирования дознания в сокращенной форме, прежде всего отсутствием тщательной регламентации уведомления потерпевшего и подозреваемого о возможности производства расследования в сокращенной форме дознания, ограничением на выполнение следственных действий в ходе дознания в сокращенной форме, недооценкой роли начальника подразделения дознания при осуществлении дознания в сокращенной форме.

В результате на практике иногда культивируются ситуации, при которых дознание в общем порядке, занимающее около двадцати суток, маскируется под сокращенное дознание, продолжающееся 2—3 дня. При этом основная масса необходимых следственных действий по уголовному делу выполняется до того, как будет принято решение об упрощенной форме. Такая видимость упрощения не может способствовать эффективности расследования в форме дознания.

В связи с этим учеными разрабатываются меры по коррекции перечня обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме. В частности, предлагается «предусмотреть в законе правило о том, что дознание в сокращенной форме возможно только по уголовным делам, по которым проверка сообщения о преступлении проходила в срок до 3 суток со дня поступления указанного сообщения»³, 195—196. Полагаем, что данное условие вполне выполнимо в рамках сокращенной формы дознания.

Кроме того, дискуссионным остается вопрос и о целесообразности существующего порядка правовой регламентации создания итогового документа дознания в сокращенной форме. В связи с этим Т. А. Арепьева обоснованно предлагает исключить из процессуальных полномочий начальника органа дознания право утверждения обвинительного постановления с его передачей начальнику подразделения дознания⁴, 14—15. Действительно, начальник подразделения дознания, осуществляя непосредственное руководство дознавателем, лучше, чем начальник органа дознания, знает расследуемое им уголовное дело с точки зрения как его сильных, так и слабых сторон. Поэтому качественно выполнить свои обязанности в части утверждения обвинительного постановления ему легче, чем начальнику органа дознания.

Следует сказать, что начальник подразделения дознания не известен казахстанскому уголовному судопроизводству. Да и в российском уголовном процессе он был не всегда: его появление относится к 2007 г. и связано с необходимостью повышения качества расследования преступлений по уголовным делам в форме дознания путем дополнения прокурорского надзора, осуществляемого в этой области, процессуальным ведомственным контролем за дознавателем со стороны начальника подразделения дознания.

Однако эта задача решена в настоящее время не до конца. В связи с этим заслуживает внимание предложенный М. В. Зотовой комплекс законодательных новел, направленных на разумное дополнение прокурорского надзора за исполнением законов при производстве дознания в сокращенной форме процессуальным контролем со стороны начальника подразделения дознания. Среди них: «распространение процессуальных возможностей начальника подразделения дознания на оба вида дознания, предусмотренные частью 1.1 статьи 150 УПК РФ (как на дознание в общем порядке, так и на дознание в сокращенной форме); нормативное закрепление новых полномочий начальника подразделения дознания по даче согласия дознавателю на выполнение определенных действий и принятие решений (на вынесение постановления об удовлетворении ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме; на обращение к прокурору для продления срока дознания в общем порядке и дознания в сокращенной форме; на обращение к прокурору для утверждения постановления о прекращении производства по уголовному делу)»³, 11—12.

В заключение следует сказать, что какое бы из предложений по совершенствованию правовой регламентации уголовно-процессуальной деятельности в Российской Федерации не воспринял законодатель, четко прослеживается его ориентация на создание благоприятных условий для движения уголовного дела по стадиям уголовного процесса, сочетающееся с надлежащей обеспеченностью защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

1 См.: Зайцев О. А. Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: Мат-лы междунаrod. науч.-практ. конф. (1—2 ноября 2013 г.). Вып. 10: В 2 ч. Ч. 1. — Тюмень, 2013.

2 См.: Брусницын Л. В. Некоторые проблемы обеспечения прав жертв преступлений в Российском уголовном процессе // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сб. мат-лов Всероссийск. науч.-практ. конф. / Под ред. В. Н. Лопатина. — СПб, 2003.

3 Зотова М. В. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2016.

4 См.: Насонова И. А., Арепьева Т. А. Начальник подразделения дознания как участник уголовного судопроизводства: Монография / Под ред. О. А. Зайцева. — М., 2014.